

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Ход конем

Легендарный режиссер Адольф Шапиро привел «Дон Кихота» на сцену Нового Рижского театра

Сцена из спектакля. Фото: oteatre.info

17:20, 15 апреля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Алвис Херманис реконструировал свой театр долго. Теперь это шедевр современного дизайна с трогательными архивными приветами. Среди них, например, капсула с объявлениями, билетами, визитками начала XX века, а именно: 1901 года — когда было заложено здание. Большинство свидетельств на латышском, но и на русском есть парочка артефактов. А когда вскрыли пол в зрительном зале, нашли... ну что находят под креслами? Обертки, квиточки, номерки и даже пробки от шампанского — все выставлено в витрине. Новый Рижский театр в стиле лофт пропитан ностальгией, элегантно процеженной сквозь сито фатальной драматургии. Восстановленные элементы интерьера, афиши, фрагменты старой кладки — все выглядит более или менее сентиментальным. Если бы не сохраненная историческая сцена и не приглашение многолетнего вдохновителя этой сцены — Адольфа Шапиро с постановкой настолько многомерной, насколько может сегодня трактоваться история вообще и взгляд на прогресс в частности.

Адольф Шапиро. Фото: oteatre.info

«Дон Кихот» свалился на головы рижскому зрителю в прямом смысле слова. Зритель не пострадал — но книги, рухнувшие с потолка на актеров, вполне могли бы покалечить зазевавшихся. Так начинается сцена потешной инквизиции — пролог великого романа, прочтенного здесь и сейчас. Впрочем, пострадавший есть — этот костер и затеян в назидание самому известному в мире горе-читателю, шибанутому романтикой идальго.

Тут его вроде как стали забывать — но он жив, и конь его в полном порядке. Ну как в порядке — скелет сохранился. Выглядит пугающе. Экспонат дарвиновского музея трехметровой высоты. Но героя это нисколько не смущает. Наоборот, герой остроумно проложил ископаемое засаленным матрасом, пакетами для мусора, приспособил тазик и копьё, лестничку — что еще нужно герою для подвигов. Ветряные

мельницы? Вуаля. Вон на горизонте мегавентилятор размером с этого коня разгоняется. Ничего не напоминает?

Ах да! Оруженосец! Санчо Панса, переросток-подготовишка в шортах кружит, поджимая коленки, на трехколесном ослике. Ослик, как и полагается, значительно более надежен и мобилен, чем воскресшая кляча.

Контраст и утрированные размеры — что ни говори, идеальная метафора тебя и реальности вокруг. Хотя сначала, конечно, весело. На то и расчет! Как и расчет на фантазию замечательного художника Мартиньша Вилкарсиса. Того же замеса и исполнители главных ролей. Каспар Знотиньш (Дон Кихот) и Гундарс Аболиньш (Санчо Панса). Когда-то юные таланты и единомышленники, сегодня — актеры высшего класса, да еще и интеллектуалы! Именно Гундарс Аболиньш перевел текст пьесы с русского на латышский.

Сцена из спектакля. Фото: Janis Deinats / oteatre.info

Спектаклем «Дон Кихот» Адольф Шапиро возвращается на сцену, которую без малого 35 лет считал для себя закрытой. На то были причины. Турбулентность 90-х не щадила ни культурных корней, ни саженцев. И знаменитый рижский ТЮЗ, легендарное место силы театральной Латвии, — было дело, опустил занавес. А режиссер покинул страну, уехал в Россию, Грецию, в обе Америки — далее везде, где ценили и продолжают ценить его редкий талант.

Возвращение — штука рискованная. Обретение не менее травматично, чем утрата. Поэтому Шапиро выбирал тему пристрастно. Одиссея, опять же, не терпит банальностей, а Шапиро — кто в курсе — суеты. Так что Сервантес был прочтен с особенной тщательностью. Обыгрывая комичность мизансцен, монтируя эпизоды заново, режиссер шаг за шагом сдвигает стрелку от жалости к тоске по свободе, от сумасшествия — к бесстрашию, от жертвенности — к бессмертию. На выходе его пародийный рыцарь-бедолага оборачивается невероятно

пластичным персонажем, способным «сделать козу» не только своим первым сеньорам-читателям, но и нашим циничным современникам. Смотришь на сцену и понимаешь, что могучий испанец тоже запечатал в своем шедевре капсулу. Ее, похоже, вскрыл еще Мюнхгаузен ибн Янковский. (Рифма не отпускает до конца!) Вскрыл — а там штамм блуждающего сострадания! Эфемерный, но непобедимый. И счастье художника — подхватить этот вирус, заразить им зрителя и подтвердить его сопротивляемость среде.

Сцена из спектакля. Фото: Janis Deinats / oteatre.info

Среда между тем не дремлет. И дремать не собирается. Начать нынче разговор со сжигания книг — дорогого стоит. Впрочем, никто не знает, с какого боку и в какой момент полыхнет текст четырехвековой давности. Сервантес вот взял и снабдил рыцаря магической речью во славу мира и спасения. Пусти ее в зал без купюр — тебе же припишут фейк. Ведь никто не поверит, что эти строки собраны не сегодня. И не сегодняшней, как

говорится, повесткой. Как никто уже, тихо ахнув, не развидит Тайную вечерю в сцене застолья на постоялом дворе. Конец первого акта.

Я к тому, что полыхнет непременно. Но keine Panik auf der Titanic! У Адольфа Шапиро уже есть как минимум опыт борьбы с огнем — в его «451 градус по Фаренгейту» (театр Et Cetera, Москва, 2007) книги горели не по-детски. И то оставалась надежда. В «Дон Кихоте» же пепелище явно еще способно понести — да хоть бы и от бахтинского карнавала! Вот и Санчо есть куда расти, пока его блаженный хозяин прячет под санаторным халатом надраенные музейные доспехи. От баллистики такие вряд ли спасут, но идеалы и тепло сохранят наверняка. И оно еще, бог даст, пригодится. Так что по коням, господа! А чтоб наверняка — вот вам портрет неуловимой Дульсинеи Тобосской. Его ксерокопии слетают в финале уже прямо зрителю на колени. Пусть зритель знает, что перспектива есть. И она прекрасна!

Анна Аркатова, Рига